

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ЛОШАДЕЙ В ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Представлены результаты изучения и интерпретации результатов раскопок отдельных захоронений лошадей, демонстрирующих особую группу раннесредневековых объектов Центральной Азии. Рассмотрен имеющийся опыт семантики таких комплексов, в разное время предпринимавшийся отечественными исследователями. Проанализированы основные характеристики отдельных захоронений лошадей: особенности их расположения в составе некрополей, наземные и внутримогильные конструкции, специфика ритуала. Выделены черты, отличающие «самостоятельные» погребения коней от кенотафов и других объектов, такие как отсутствие: 1) останков погребенного человека; 2) предметов сопроводительного инвентаря, предназначенных для человека; 3) внутримогильных конструкций, связанных с оформлением погребения человека или отделением его от лошади (каменные плиты, «перемычка» из слоя нетронутого материка и др.). Установлено, что результаты раскопок отдельных захоронений лошадей демонстрируют элементы преемственности культуры раннесредневековых тюрок с традициями населения Алтая булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Сопоставление «самостоятельных» погребений коней под курганными насыпями с «поминальными» объектами позволило представить основные этапы процесса трансформации традиций обрядовой практики кочевников на ранних этапах развития культуры тюрок (2-я половина V – 1-я половина VII в.). Продолжение исследований в указанном направлении имеет важное значение также для определения семантики отдельных захоронений лошадей и их места в системе мировоззренческих представлений раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

Ключевые слова: Алтай, тюрки, раннее средневековье, отдельные захоронения лошадей, анализ, интерпретация, булан-кобинская культура.

DOI: 10.14258/tpai(2017)1(17).-03

Введение

Наряду со «стандартными» погребениями, а также кенотафами, имитирующими их при отсутствии умершего человека, определенное распространение у раннесредневековых тюрок Центральной Азии получила традиция сооружения отдельных захоронений лошадей. Нет сомнений, что такие комплексы демонстрируют особую группу объектов, отражающую вариабельность погребально-поминальной практики кочевников и требующую детального рассмотрения.

Специфика «самостоятельных» захоронений лошадей впервые была отмечена А.А. Гавриловой [1965, с. 28], которая выделила их в особый вариант могил комплекса Кудыргэ. Важно обратить внимание на то, что к этой же группе объектов она отнесла «парный» кенотаф (курган №22), включавший захоронение двух лошадей с инвентарем, предназначенным для двух мужчин-воинов.

Опыт обобщения информации об отдельных захоронениях лошадей под курганными насыпями представлен в монографии С.П. Нестерова [1990, с. 79–81], посвященной рассмотрению роли коня в культурах средневековых кочевников Центральной Азии. Археолог привел сводку подобных объектов, которые, по его наблюдениям, соз-

* Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

давались на протяжении длительного периода – с VI по XIV в. С.П. Нестеров [1990] определил две основные причины сооружения «самостоятельных» захоронений лошадей, которые после этого принимались во внимание всеми другими специалистами, рассматривавшими возможности интерпретации таких комплексов. Наиболее вероятными объяснениями необходимости захоронения коня отдельно от человека он посчитал преждевременную гибель животного, а также невозможность его погребения одновременно с хозяином [Нестеров, 1990, с. 79–80]. Исследователь упомянул, что основным отличием захоронений лошадей от кенотафов является присутствие в последних вещей, предназначенных для человека.

Некоторые дополнительные наблюдения об особенностях рассматриваемых объектов представлены в публикациях А.М. Илюшина [1995; 2003], посвященных введению в научный оборот результатов раскопок на Алтае. Археолог отметил, что отдельные захоронения лошадей демонстрируют довольно устойчивую традицию обрядовой практики раннесредневекового населения. При этом, по его мнению [Илюшин, 2003, с. 134], такие объекты не являются «самостоятельными» в полном смысле слова, будучи так или иначе связаны с погребением человека. В качестве подтверждения исследователь привел материалы раскопок средневековых некрополей Кузнецкой котловины, где захоронения лошадей нередко расположены в отдельной грунтовой яме, но под одной курганной насыпью с могилой покойного. Возможность похожей интерпретации захоронений лошадей, исследованных на комплексе Кудыргэ, отмечена П.П. Азбелевым [2000, с. 4–5]. По его мнению, на известном памятнике раскопаны «раздельные погребения человека и коня в разных, но стандартно соотносенных ямах: могилы-1 и 2, 3 и 4, 6 и 8, 22 и 23», которые можно сравнить с объектами сrostкинской культуры.

Признавая обоснованность предложенных С.П. Нестеровым вариантов объяснения причин сооружения отдельных захоронений лошадей, Г.В. Кубарев [2005, с. 20] подчеркнул, что нельзя отрицать возможный культовый характер части из них. Обратим внимание на то, что многие из рассматриваемых археологом объектов содержали предметы, предназначенные человеку, однако, по мнению исследователя, они не могут считаться кенотафами из-за отсутствия в могилах места для покойного. Г.В. Кубарев [2005, с. 20], как и ранее Д.Г. Савинов [1994а, с. 151], отметил необходимость дальнейшего изучения отдельных захоронений лошадей раннего средневековья, что должно способствовать более четкому обозначению их отличительных признаков, а также объяснению назначения.

Присоединяясь к последнему тезису, в настоящей статье более подробно представим основные характеристики отдельных захоронений лошадей, а также возможности интерпретации таких объектов в контексте обрядовой практики раннесредневековых тюрок.

Анализ материалов

Исходя из обозначенных выше наблюдений исследователей, а также учитывая специфику собранных материалов, представляется возможным суммировать показательные характеристики отдельных захоронений лошадей, отличающие их от кенотафов и других объектов, наиболее важными из которых являются отсутствие:

- 1) останков погребенного человека;
- 2) предметов сопроводительного инвентаря, предназначенных для человека;

3) внутримогильных конструкций, связанных с оформлением погребения человека или отделением его от лошади (каменные плиты, «перемычка» из слоя нетронутого материка и др.).

Обозначенным критериям соответствуют 10 захоронений лошадей, раскопанных на памятниках Балык-Соок-I (курган №12)*, Бертек-27 (впускное погребение №1), Большой Яломан-II (курган №4), Кара-Коба-I (курганы №90, 123), Кудыргэ (курганы №1, 3, 8), Нижняя Соору (курган №1), Сары-Кобы (выкладка №17) [Гаврилова, 1965; Суразаков, 1982; Могильников, 1994; Могильников, Суразаков, 1994; Савинов, 1994б; Илюшин, 1995; Кубарев, 2005] (рис. 1–5). Кроме того, известна серия объектов, однозначная интерпретация которых по ряду причин затруднена. К примеру, в некоторых могилах с захоронением лошади отсутствует место для погребения человека, однако зафиксированы отдельные предметы инвентаря, предназначавшиеся для покойного (Балык-Соок-I, курган №23; Боротал-I, курган №6; Кок-Су-I, курган №27; Коо-II, курган №1; Чобурак, курган №2; и др.) [Сорокин, 1974; Бородовский, 1994; Илюшин, 1995; Кубарев, 2005]. На наш взгляд, такие комплексы следует рассматривать как кенотафы [Серёгин, 2015, с. 48–50]. Имеется информация о нескольких других памятниках, на которых изучены захоронения коней, однако материалы их не введены в научный оборот и не могли быть учтены в полной мере [Манной-оол, 1970, с. 203; Нестеров, 1990, с. 79]**.

Таким образом, основной территорией распространения отдельных захоронений лошадей, за редким исключением объектов, известных лишь по фрагментарным упоминаниям, является Алтай. Рассматриваемые комплексы, исследованные в разных частях региона, не образуют локальной группы памятников (рис. 1). Можно лишь отметить несколько бóльшую концентрацию «самостоятельных» погребений коней в Центральном и Северо-Западном Алтае, однако незначительное количество таких объектов не позволяет зафиксировать какие-либо устойчивые закономерности в этом плане.

«Самостоятельные» захоронения лошадей чаще всего находились в составе довольно крупных погребально-поминальных памятников, включавших, наряду с курганами тюрок, комплексы других хронологических периодов (Балык-Соок-I, Кара-Коба-I, Кудыргэ, Нижняя Соору, Сары-Кобы). В ряде случаев отмечена намеренная связь рассматриваемых объектов с сооружениями предшествующего периода. К примеру, на некрополе Большой Яломан-II каменная выкладка №4, содержащая захоронение лошади, была пристроена с северо-западной стороны к кургану раннего железного века [Могильников, Суразаков, 1994, рис. 4]. Погребение двух коней памятника Бертек-27 сооружено под насыпью комплекса пазырыкской культуры [Савинов, 1994б, с. 93]. При этом

* Несмотря на то, что данный объект был ограблен, совокупность сохранившихся и зафиксированных авторами раскопок характеристик позволяет отнести его, с известной долей условности, к отдельным захоронениям лошадей.

** Отдельную группу памятников составляют захоронения лошадей в «поминальных» тюркских оградках. Такие объекты изучены на нескольких комплексах Алтая [Мамадаков, 1994; Могильников, 1994; Соёнов, Эбель, 1997; Худяков, Борисенко, Кыпчакова, 2001], а также известны на территории Тянь-Шаня [Табалдиев, 1996, с. 73–74, рис. 33–34]. Опыт исследования подобных сооружений уже представлен в литературе [Серёгин, Шелепова, 2015, с. 72–75]. Имеет смысл обратиться к результатам их анализа при рассмотрении проблем интерпретации захоронений лошадей, совершенных под курганными насыпями.

Рис. 1. Карта-схема распространения отдельных захоронений лошадей на территории Алтая (1 – Сары-Кобы; 2 – Кара-Коба-I; 3 – Балык-Соок-I; 4 – Нижняя Соору; 5 – Большой Ялман-II; 6 – Кудыргэ; 7 – Бертек-27)

следует упомянуть, что традиция возведения погребальных и «поминальных» объектов на площади уже существовавших некрополей в целом характерна для тюрок раннего средневековья на всех территориях распространения их культуры.

За единственным исключением (впускное погребение Бертек-27) все учтенные захоронения лошадей имели каменные насыпи. Чаще всего эти конструкции представляли собой наброски небольших размеров, без дополнительных конструктивных элементов в виде крепиды или ограды. В одном случае (Сары-Кобы, выкладка №17) от насыпи в юго-восточном направлении отходил ряд балбалов. В ходе изучения этого же объекта в составе наземной конструкции отмечены стенки из вертикально поставленных плит, ограничивавшие насыпь с двух сторон [Суразаков, 1982, с. 127], что сближает данное сооружение с оградками раннего средневековья. Вместе с тем характерные для тюркских «поминальных» комплексов изваяния, стелы и балбалы зафиксированы так-

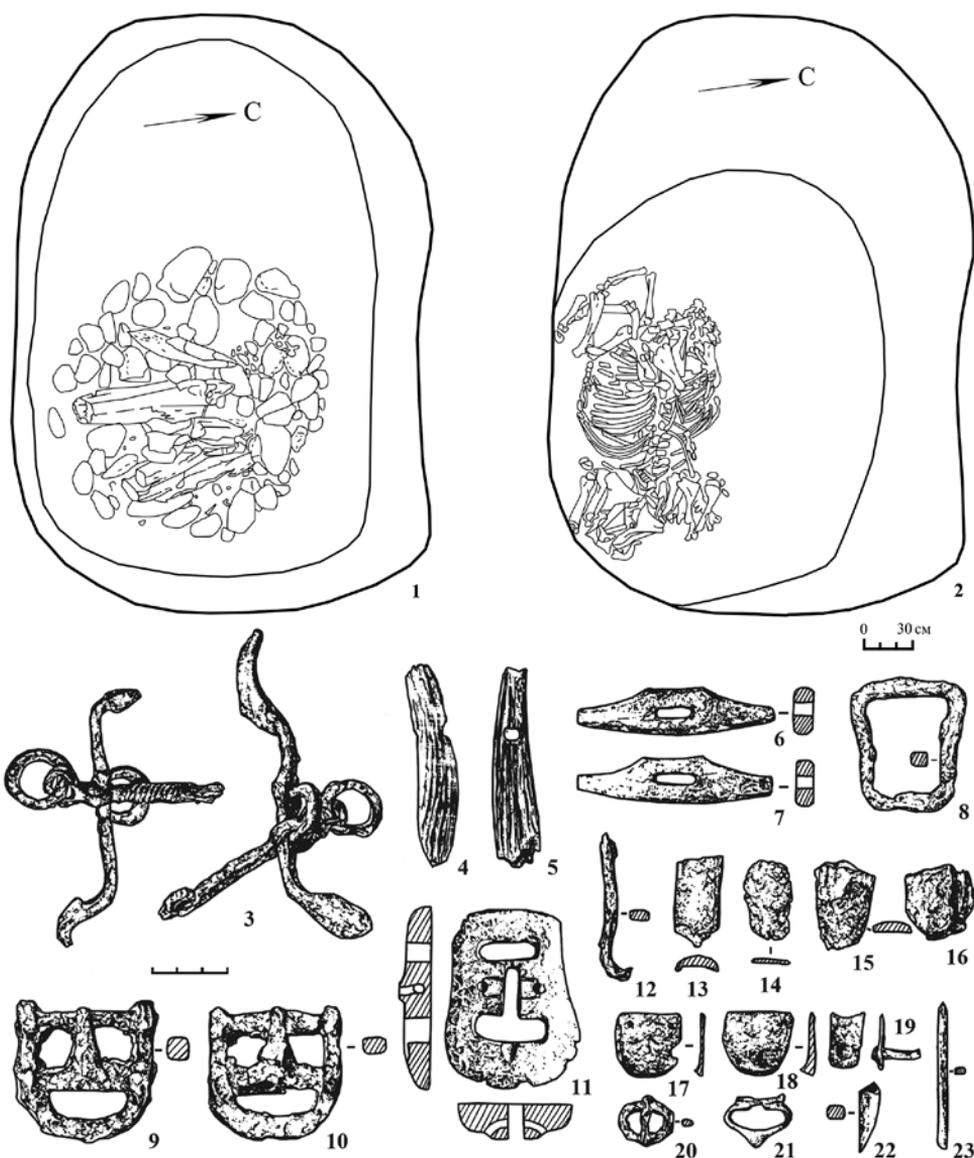

Рис. 2. Бертек-27, курган №1: 1–2 – план погребальной конструкции и впускного захоронения; 3–23 – предметный комплекс (по: [Савинов, 1994, рис. 112, 114, 116–117])

же при исследовании некоторых курганов 2-й половины I тыс. н.э. [Кызласов, 1969, с. 23, сноска 53; 1979, с. 132; Суразаков, 1982, с. 26; Савинов, 1983, с. 157; Кубарев, 1984, с. 171; Могильников, 1990, с. 150–151; Кубарев, 2005, табл. 144].

В большинстве отдельных захоронений коней под курганной насыпью находилось одно животное. Две лошади зафиксированы в ходе раскопок трех объектов [Суразаков, 1982, рис. 2.-6; Савинов, 1994б, рис. 114; Кубарев, 2005, табл. 136, с. 382]. При этом для всех рассматриваемых комплексов характерно отсутствие каких-либо специальных внутримогильных конструкций.

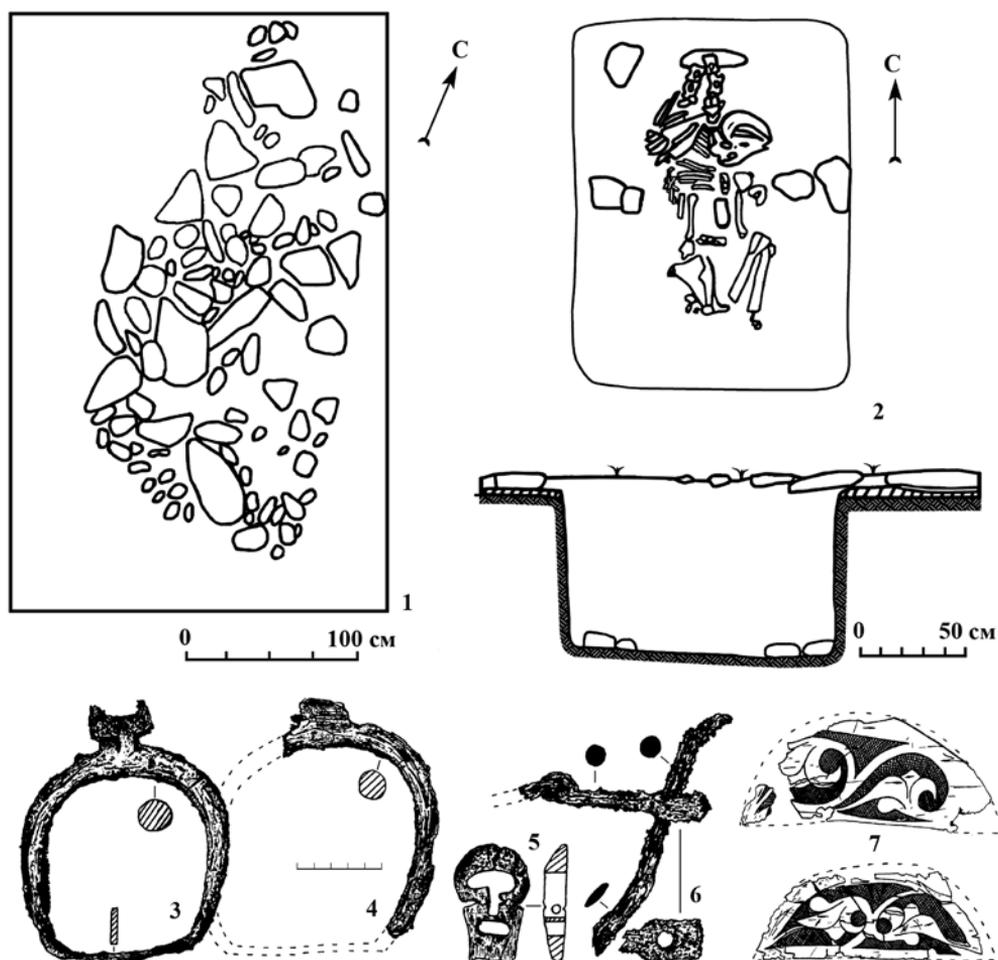

Рис. 3. Большой Яломан-II, курган №4: 1 – план насыпи; 2 – план захоронения лошади и разрез могильной ямы; 3–7 – предметный комплекс (по: [Могильников, Суразаков, 1994, рис. 12–15])

Важным показателем ритуала захоронения являлась ориентировка лошадей. Для большинства учтенных объектов характерно меридиональное направление животных, причем как на север, так и на юг. В двух случаях зафиксирована также ориентировка на запад, получившая наибольшее распространение при совершении «стандартных» погребений раннесредневековых тюрок.

Предметы конского снаряжения (удила, псалии, стремяна, редкие украшения), зафиксированные в отдельных захоронениях лошадей, позволяют определить хронологию объектов, а также обозначить период существования традиции сооружения таких комплексов. Характерные формы обнаруженных изделий указывают на то, что большая часть рассматриваемых объектов относится к ранним этапам в развитии культуры тюрок и датируется в рамках 2-й половины V – 1-й половины VII в. [Гаврилова, 1965, табл. VII, IX.-1, XIV.-8–12; Суразаков, 1982, рис. 2.-6–12; Могильников, 1994, рис. 25; Илюшин, 2003, рис. 1].

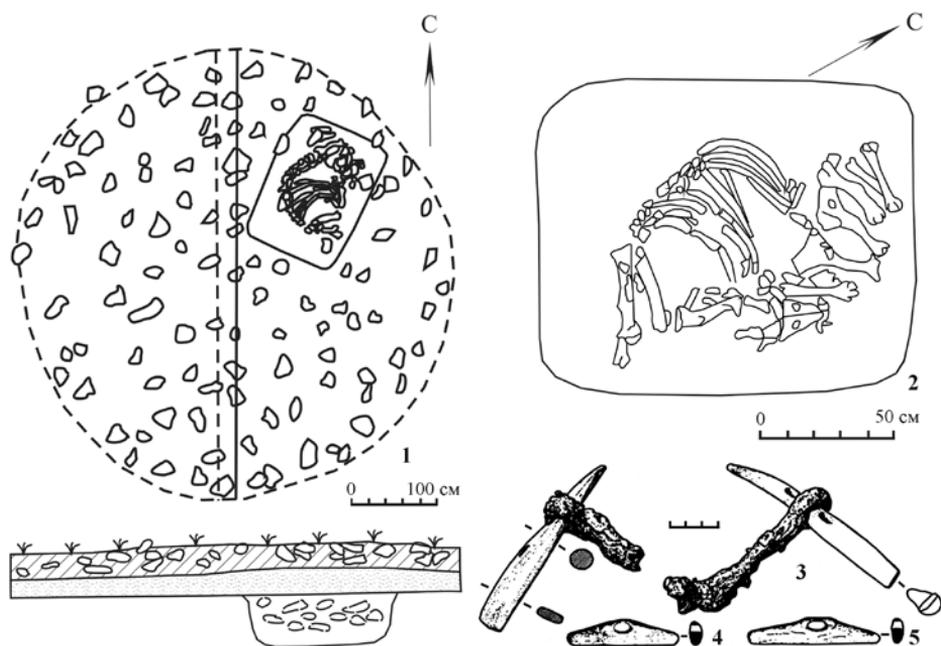

Рис. 4. Кара-Коба-I, курган №90: 1 – план и разрез насыпи; 2 – план захоронения лошадей; 3–5 – предметный комплекс (по: [Могильников, 1994, рис. 23–25])

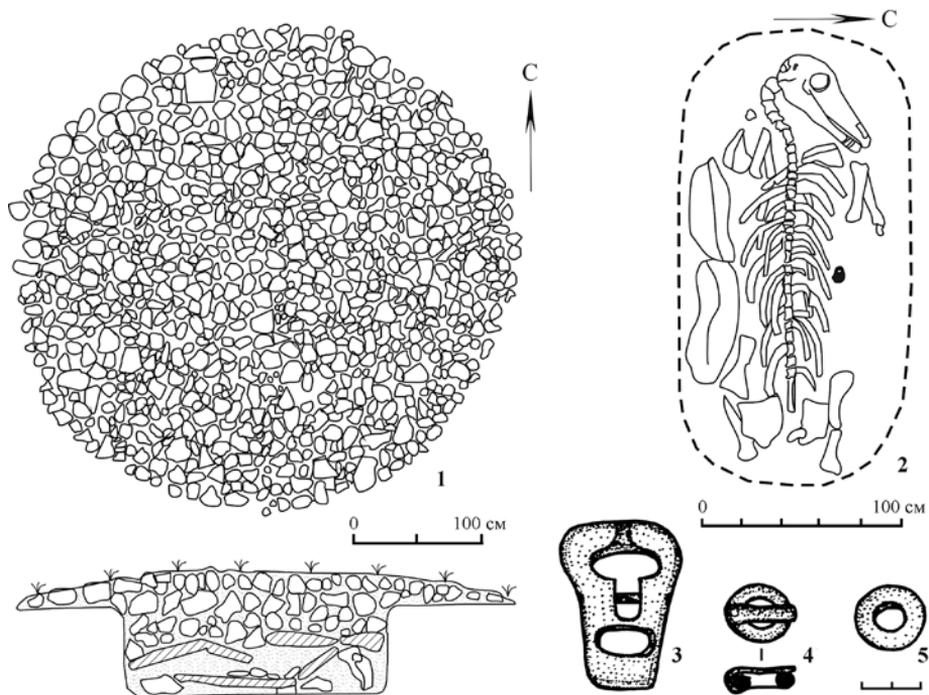

Рис. 5. Нижняя Соору: 1 – план и разрез насыпи; 2 – план захоронения лошади; 3–5 – предметный комплекс (по: [Илюшин, 1995, рис. 1])

Проблемы интерпретации отдельных захоронений лошадей

Рассмотрение имеющихся сведений показывает, что в материалах раскопок отдельных захоронений лошадей получила отражение общая концепция погребально-го обряда раннесредневековых тюрок. В «стандартных» объектах именно животное определяло предполагаемое расположение загробного мира (в большинстве случаев это был западный сектор горизонта, значительно реже фиксируется северная ориентировка), в который согласно существовавшим представлениям направится душа человека после смерти. При этом, судя по зафиксированным показателям, рассматриваемые отдельные захоронения лошадей являются вполне самостоятельными комплексами, не связанными с конкретными погребениями людей. Об этом свидетельствуют такие характеристики объектов, как наличие отдельной насыпи, а также отсутствие в большинстве случаев расположенных в непосредственной близости «одиночных» погребений людей. Не являются исключением и материалы раскопок могильника Кудыргэ, несмотря на то, что обозначенные объекты зафиксированы неподалеку друг от друга. Важно отметить, что конское снаряжение присутствует не только в отдельных захоронениях лошадей, но и в «одиночных» погребениях людей, раскопанных на известном некрополе [Гаврилова, 1965, табл. VII–X]. Такое дублирование не находит аналогий в памятниках тюрок и не может быть объяснено в том случае, если могилы рассматриваются как единый комплекс. При этом погребения людей без животных получили определенное распространение в обрядовой практике раннесредневековых кочевников и не представляли собой исключительного явления [Серёгин, 2013].

В настоящее время представляется очевидным, что появление обычая совершения отдельных захоронений лошадей в обрядовой практике тюрок Алтая связано с традициями населения булан-кобинской культуры. «Самостоятельные» погребения коней под кольцевыми выкладками известны как на раннем (II в. до н.э. – I в. н.э.), так и на позднем (2-я половина IV – V в. н.э.) этапах истории населения рассматриваемого региона хуннуско-сянбийско-жужанского времени [Матренин, Шелепова, 2007, с. 85–86; Серёгин, Матренин, 2016, с. 73–74]. Такие объекты раскопаны на памятниках Чендек, Сары-Бел, Яломан-II, Верх-Уймон, Боочи, Берель и др. [Киреев, Кудрявцев, Вайнбергер, 1992, с. 60, рис. 1; Соёнов, Эбель, 1992, с. 20, 23; Соёнов, 1999, с. 134–135; Тишкин, Горбунов, 2003, с. 489, 491–492; Самашев и др., 2016, с. 245–247, 249].

Непосредственным продолжением традиций населения булан-кобинской культуры стали захоронения лошадей в «поминальных» комплексах раннесредневековых тюрок. Выделяются две группы таких объектов: погребения коней в кольцевых оградках [Могильников, 1994] и захоронения животных в оградках подквадратной формы [Могильников, 1992; Мамадаков, 1994; Соёнов, Эбель, 1997; Худяков, Борисенко, Кыпчакова, 2001]. При этом сооружения второй группы в ряде случаев напоминают кенотафы [Тишкин, Серёгин, 2013]. Важно отметить, что, судя по имеющимся материалам, захоронения лошадей в «поминальных» комплексах совершались только на раннем этапе развития тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в.).

С того же времени и в большей степени позднее, уже во 2-й половине VI – 1-й половине VII в., стали сооружаться погребения лошадей под курганными насыпями. Логично предположить, что такие объекты стали своего рода «заменой» исчезнувших захоронений животных в «поминальных» комплексах и демонстрируют трансформацию обрядовой практики кочевников на ранних этапах развития культуры. В данном контексте

вполне объяснимым является почти полное отсутствие «самостоятельных» погребений коней за пределами Алтая. Вероятно, это связано с тем, что именно в указанном регионе происходили процессы формирования и начальной эволюции культуры тюрок, проявившиеся в том числе в «поиске» форм погребальных и «поминальных» объектов.

Заключение

Анализ имеющихся материалов показывает, что результаты раскопок отдельных захоронений лошадей демонстрируют элементы преемственности традиций ранне-средневековых тюрок и населения Алтая булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Сопоставление «самостоятельных» погребений коней под курганными насыпями с «поминальными» объектами позволяет рассматривать процессы трансформации обрядовой практики кочевников на ранних этапах развития культуры тюрок (2-я половина V – 1-я половина VII в.). Нет сомнений, что дальнейшие раскопки на Алтае и в сопредельных регионах дадут основания для уточнения и детализации сделанных выводов. Продолжение исследований в указанном направлении имеет большое значение также для определения семантики отдельных захоронений лошадей и их места в системе мировоззренческих представлений раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

Библиографический список

- Азбелев П.П. К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск : ОмГУ, 2000. С. 4–5.
- Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 75–82.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.
- Илюшин А.М. Ритуальные захоронения коней в Горном Алтае (датировка и география) // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. Вып. V, ч. 1. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 122–125.
- Илюшин А.М. Об ритуале захоронения коней как этнографо-археологическом источнике // Древности Алтая. Вып. 10. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. С. 132–137.
- Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В. Археологические исследования в Уймонской котловине // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск : [Б.и.], 1992. С. 59–61.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск : Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М. : Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
- Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58–63.
- Маннай-оол М.Х. Исследования Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории // Археологические открытия 1969 года. М. : Наука, 1970. С. 202–203.
- Матрёнин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. Горно-Алтайск : АКИН, 2007. С. 84–90.
- Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.
- Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск : [Б.и.], 1992. С. 175–212.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 38–48.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 143 с.

Савинов Д.Г. Древнетюркские изваяния Узунтальской степи // Историческая этнография: традиции и современность. Вып. II: Проблемы археологии и этнографии. Л. : ЛГУ, 1983. С. 155–163.

Савинов Д.Г. Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск : Наука, 1994а. С. 146–152.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск : Наука, 1994б. С. 88–94.

Самашев З., Боковенко Н.А., Ахмаджиев Ж., Чотбаев А., Кариев Е., Толегенов Е., Самашев С., Киясбек Г., Жалмаганбетов Ж., Ерболастов С. Некоторые итоги исследований на некрополе Берел в 2016 году // Алтай – колыбель тюркского мира. Усть-Каменогорск : [Б.и.], 2016. С. 234–252.

Серёгин Н.Н. «Одиночные» погребения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии: этнокультурная и социальная интерпретация // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 100–108.

Серёгин Н.Н. «Символические» захоронения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №1 (28). С. 47–55.

Серёгин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Серёгин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул : Азбука, 2015. 168 с.

Соёнов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. №4. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1999. С. 134–152.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. 116 с.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии. №2. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997. С. 103–115.

Сорокин С.С. Цепочка курганов времен ранних кочевников на берегу р. Кок-Су (Южный Алтай) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 18. Л. : Гос. Эрмитаж, 1974. С. 62–91.

Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 121–136.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек : Айбек, 1996. 256 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. I. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 488–493.

Тишкин А.А., Серёгин Н.Н. Тюркские оградки как одна из форм сооружения кенотафов в раннем средневековье // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 75–81.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Изучение древнетюркских поминальных комплексов в бассейне р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 456–470.

N.N. Seregin

SEPARATE BURIALS OF HORSES IN THE RITUAL PRACTICE OF EARLY MEDIEVAL TURKIC PEOPLE OF CENTRAL ASIA

The article presents the conclusions of the study and interpretation of the results of excavation of individual graves of horses demonstrating a special group of objects belonging to early medieval Turks of Central Asia. Consideration is given to the experience of the semantics of such complexes at different times

illustrated by domestic researchers. Analysis is given to the main characteristics of the individual graves of horses: the characteristics of their location as part of cemeteries, land and underground constructions, the specificity of the rituals.

The features are highlighted that distinguish the burials of horses from the burial of cenotaphs and other objects, the most important of which are the lack of: 1) the remains of the deceased person; 2) accompanying inventory items intended for humans; 3) inner burial constructions associated with burial of the humans and their detachment from the horses (stone slabs, “bridge” from the bed of the untouched continent and others.). It is found out that the results of the individual graves of horses’ excavations show elements of continuity with the early medieval Turkic population of Altai Bulan-Koba culture of Hunnish-Syanbi-Zhuzhan time. Comparison of the “independent” burials of horses under the burial mound with the “memorial” objects allowed presenting the main stages of the transformation of the traditions of ritual practices of nomads in the early stages of development of Turkic Culture (second half of the 5th – the first half of the 7th century.). Continuation of research in this direction is also important to define the semantics of the individual graves of horses and their place in the system of philosophical ideas of early medieval Turkic of Central Asia.

Key words: Altai, the Turks, the early Middle Ages, the individual burial of horses, analysis, interpretation, Bulan-Koba culture.

References

Azbelev P.P. K issledovaniyu kul'tury mogil'nika Kudyrge na Altae [Toward the Study of Culture of the Kudyrge Burial in Altai]. Pyatye istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova [Fifth Historical Readings in Memory of M.P. Gryaznov]. Omsk : OmGU, 2000. Pp. 4–5.

Borodovskiy A.P. Issledovanie odnogo iz pogrebal'no-pominal'nykh kompleksov drevnetyurkского времени na Sredney Katuni [A Study of One of the Burial and Memorial Complexes of Ancient Turkic time Middle Katun]. Arkheologiya Gornogo Altay [Archaeology of the Altai Mountains]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. Pp. 75–82.

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen [The Kudyrge Burial as a Source on the History of Altai Tribes]. M. ; L. : Nauka, 1965. 146 p.

Ilyushin A.M. Ritual'nye zakhoroneniya koney v Gornom Altae (datirovka i geografiya) [Ritual Burial of Horses in the Altai Mountains (Dating and Geography)]. Sokhraneniya i izuchenie pamyatnikov arkheologii Altayskogo kraya. Vyp. V, ch. 1. [Conservation and Study of Archaeological Monuments of the Altai Territory. Issue V, part 1]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995. Pp. 122–125.

Ilyushin A.M. Ob rituale zakhoroneniya koney kak etnografo-arkheologicheskom istochnike [On the Ritual of Horses' Burial as an Ethnographic and Archaeological Source]. Drevnosti Altaya. Vip. 10 [Antiquities of Altai. Issue 10]. Gorno-Altaysk : GAGU, 2003. Pp. 132–137.

Kireev S.M., Kudryavtsev P.I., Vaynberger E.V. Arkheologicheskie issledovaniya v Uymonskoy kotlovine [Archaeological Research in the Uimon Basin]. Problemy sokhraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arkheologii [Conservation Issues and Study of Archaeological Monuments]. Gorno-Altaysk : [B.i.], 1992. Pp. 59–61.

Kubarev V.D. Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya [Ancient Turkic Statues of Altai]. Novosibirsk : Nauka, 1984. 230 p.

Kubarev G.V. Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) [The Culture of the Ancient Turks of Altai (Based on Funerary Monuments)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii etnografii SO RAN, 2005. 400 p.

Kyzlasov L.R. Istoriya Tuvy v srednie veka [History of Tuva in the Middle Ages]. M. : Izd-vo MGU, 1969. 211 p.

Kyzlasov L.R. Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.) [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)]. M. : Izd-vo MGU, 1979. 207 p.

Mamadakov Yu.T. Ritual'nye sooruzheniya bulan-kobinskoy kul'tury [Funeral Constructions of Bulan-Koba Culture]. Arkheologiya Gornogo Altaya [Archaeology of the Mountains Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. Pp. 58–63.

Mannay-ool M.Kh. Issledovaniya Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii [Research Tuvan Research Institute of Language, Literature and History]. Arkheologicheskie otkrytiya 1969 goda [Archaeological Discoveries in 1969]. M. : Nauka, 1970. Pp. 202–203.

Matrenin S.S., Shelepova E.V. Materialy po izucheniyu ritual'nykh sooruzheniy kochevnikov Gornogo Altaya II v. do n.e. – V v. n.e. (bulan-kobinskaya kul'tura) [Materials for the Study of Ritual Structures Nomads of the Altai Mountains in the 2nd century BC – 5th Century BC (Bulan-Koba Culture)]. Izucheniye istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri. Vip.5 [The Study of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of South Siberia. Issue 5]. Gorno-Altaysk : AKIN, 2007. Pp. 84–90.

Mogil'nikov V.A. Drevnetyurkskie kurgany Kara-Koba-I [Ancient Burial Mounds of Kara-Koba-I]. Problemy izucheniya drevney i srednevekovoy istorii Gornogo Altaya [Problems of the Research of Ancient and Medieval History of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk : GANIIIYaL, 1990. Pp. 137–185.

Mogil'nikov V.A. Drevnetyurkskie ogradki Kara-Koba-I [Ancient Fences Kara-Koba-I]. Materialy k izucheniyu proshlogo Gornogo Altaya [Materials for the Study of the Past of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk : [B.i.], 1992. Pp. 175–212.

Mogil'nikov V.A. Kul'tovye kol'tsevye ogradki i kurgany Kara-Koby-I [Religious Ring Fences and Mounds of Kara-Koba-I]. Arkheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Altaya [Archaeological and Folkloric Sources in the History of Altai]. Gorno-Altaysk : GANIIIYaL, 1994. Pp. 94–116.

Mogil'nikov V.A., Surazakov A.S. Raskopki pamyatnikov Bol'shoy Yaloman-I i II [Excavation Sites of the Gig Yaloman-I and II Monuments]. Arkheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Altaya [Archaeological and Folkloric Sources on the History of Altai]. Gorno-Altaysk : GANIIIYaL, 1994. Pp. 38–48.

Nesterov S.P. Kon' v kul'takh tyurkoyazychnykh plemen Tsentral'noy Azii v epokhu srednevekov'ya [The Horse in the Cults of the Turkic-Speaking Central Asian Tribes in the Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1990. 143 p.

Savinov D.G. Drevnetyurkskie izvayaniya Uzuntal'skoy stepi [Ancient Statues of the Uzuntalskaya Steppe]. Istoricheskaya etnografiya: traditsii i sovremennost'. Vyp. II: Problemy arkheologii i etnografii [Historical Ethnography: Tradition and Modernity. Issue II: Problems of Archaeology and Ethnography]. L. : LGU, 1983. Pp. 155–163.

Savinov D.G. Drevnetyurkskoe vremya [Ancient Turkic Period]. Drevnie kul'tury Bertekskoy doliny [Ancient Cultures of the Bertekskaya Valley]. Novosibirsk : Nauka, 1994a. Pp. 146–152.

Savinov D.G. Mogil'nik Bertek-27 [Bertek-27 Burial]. Drevnie kul'tury Bertekskoy doliny [Ancient Cultures of the Bertekskaya Valley]. Novosibirsk : Nauka, 1994b. Pp. 88–94.

Samashev Z., Bokovenko N.A., Akhmadzhiev Zh., Chotbaev A., Kariev E., Tolegenov E., Samashev S., Kiyasbek G., Zhalmaganbetov Zh., Erbolastov S. Nekotorye itogi issledovaniy na nekropole Berel v 2016 godu [Some of the Research Results at the Berel Necropolis in 2016]. Altay – kolybel' tyurksskogo mira [Altay – the Cradle of Turkic World]. Ust'-Kamenogorsk : [B.i.], 2016. Pp. 234–252.

Seregin N.N. “Odinokhnye” pogrebeniya rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona i Tsentral'noy Azii: etnokul'turnaya i sotsial'naya interpretatsiya [“Single” Burial of Early Medieval Turks of the Altai-Sayan Region and Central Asia: Ethno-Cultural and Social Interpretation]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2013. Issue 2 (8) 2013. Vyp. 2 (8). Pp. 100–108.

Seregin N.N. “Simvolicheskies' zakhroneniya rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona [“The Symbolic” Burial of the Early Medieval Turkic People of the Altai-Sayan Region]. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2015. №1 (28). S.Pp. 47–55.

Seregin N.N., Matrenin S.S. Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e. [The Funeral Rite of Altai Nomads in the 2nd Century BC – 11th Century BC]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016. 272 p.

Seregin N.N., Shelepova E.V. Tyurkskie ritual'nye komplekсы Altaya (2-ya polovina I tys. n.e.): sistematizatsiya, analiz, interpretatsiya [Altai Turkic Ritual Complexes (the 2nd Half of the 1st Millennium BC.): Systematization, Analysis, Interpretation]. Barnaul : Azbuka, 2015. 168 p.

Soenov V.I. Raskopki na mogil'nike Sary-Bel [Excavations at the Burial of Sarah Bel]. Drevnosti Altaya [Antiquities of Altai]. №4. Gorno-Altaysk : GAGU, 1999. Pp. 134–152.

Soenov V.I., Ebel' A.V. Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni [Mounds of Hun-Sarmatian Era on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk : GAGPI, 1992. 116 p.

Soenov V.I., Ebel' A.V. Ritual'nye sooruzheniya mogil'nika Mendur-Sokkon-I [Ritual Constructions of the Mendur-Sokkon-I Burial]. Izvestiya laboratorii arkheologii [Proceedings of the Archaeology Laboratory]. №2. Gorno-Altaysk : GAGU, 1997. Pp. 103–115.

Sorokin S.S. Tseepochka kurganov vremen rannikh kochevnikov na beregu r. Kok-Su (Yuzhnyy Altay) [The Chain of Mounds of the Early Nomads on the Bank of Kok-Su River (Southern Altai)]. Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological Collection of the State Hermitage]. 1974. Vyp. 18. Pp. 62–91.

Surazakov A.S. Ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Gornom Altaye [On the Archaeological Research in the Altai Mountains]. Arkheologiya i etnografiya Altaya [Archaeology and Ethnography of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1982. Pp. 121–136.

Tabaldiev K.Sh. Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tyan'-Shanya [Mounds of Medieval Nomadic Tribes of the Tien Shan]. Bishkek : Aybek, 1996. 256 p.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Issledovaniya pogrebal'no-pominal'nykh pamyatnikov kochevnikov v Tsentral'nom Altaye [Research of the Burial and Funeral Monuments of Nomads in Central Altai]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology, Siberia and Adjacent Territories]. T. IX, ch. I. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2003. Pp. 488–493.

Tishkin A.A., Seregin N.N. Tyurkskie ogradki kak odna iz form sooruzheniya kenotafov v rannem srednevekov'e [Turkic Fences as a Form of Construction of the Cenotaph in the Early Middle Ages]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2013. Vyp. 2 (8). Pp. 75–81.

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Kypchakova K.Y. Izuchenie drevnetyurkskikh pominal'nykh kompleksov v bassejne r. Edigan [The Study of Ancient Turkic Memorial Complexes in the Basin of the Edigan River]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. T. VII [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. VII]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2001. Pp. 456–470.